

ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

МАРИЯ ЗНОБИЩЕВА

* * *

Пахнет лесом и рельсами. Скоро зима,
А зимою любые дома — терема.
Все Петровны — Моревны, царевны с лица.
Белоснежному свету не видно конца.

Перепутай страницу, эпоху, страну,
Полюби в этой осени нашу весну.
Перепутай маршруты, возьми меня в глушь
Не изглоданных голодом солнечных душ.

Кто-то спутал и так наши тени и дни,
Острова наших странствий и станций огни,
Да прогулки: на лодках, на лыжах, пешком —
Через мир, что и раньше нам не был знаком...

Кто-то спутал следы на вчерашнем снегу.
Я тебя от себя отличить не могу.
Упаду — и восьмеркой сойдется лыжня.
Ты смеешься, ты рядом — ты любишь меня!

* * *

В недостроенный дом приходили прекрасные жены,
Ни одну не любил. И не выбрал по сердцу одну.
“Да и как, — думал он, красотой наконец-то сраженный, —
В недостроенный дом привести молодую жену?”

Если б рядом был сад — весь в слезах, белый-белый от вишен...
Посажу деревцо, чтоб росло на забаву судьбе!”
Так сказал в тишине, но едва только из дому вышел,
Как другие занятия нашел среди прочих себе.

А невеста ждала. Три весны, три зимы и три лета:
Скоро ль вишне цвести? Закурится ль над крышею дым?
Но четвертая осень растаяла ржавым рассветом
И ушла, дорогая, гореть по дорогам с другим.

Мир не временем мерят одним. Есть приметы весомей.
Вот и снится ему на заре, по весне, каждый год,
Будто сын нерожденный растет в непостроенном доме,
С непосаженной вишни румяные ягоды рвет.

г. Москва

ИРИНА СУРНИНА

* * *

Эх, пропадом всё!
Чернеет компьютер пустой,
Слизало дотла: ни жила тебе, ни ночлега.
Вот так же, наверно, стоял горемыка простой
Один на снегу после злого, с пожаром, набега.

Что толку лепить
И любовно лелеять жильё,
Детей поднимать и, потея, выхаживать поле,
Коль с криком гортанным влетит вороное ворье
И выметет всё, и останется вольное горе?

Не плачут старухи,
Молчат глубоко старики.
Свалили страну и оставили просто времянку.
И хочется мне убежать от звериной тоски
И вырыть в лесу между трав и корней землянку.

И в небо кричать
Или в землю — уже все равно,
Слова позабыть и замолкнуть, чтоб слух истончился.
А после и домик сложить — золотое бревно,
Чтоб свет из окошка на снег затаенно сочился.

* * *

Отец потянется за мною
И только выдохнет:
— Уже?..
А я привыкла и не ною
На тридевятиом этаже.

Помыла полки, пол, посуду
И занавески завела.
Когда еще я с вами буду?..
Не зря приехала-была.

— Осталась бы, помылась в бане,
Я баню быстро истоплю..
А я давно привыкла к ванне,
Но что ж застыла и стою?
И никакой-то здесь природы:
Дорога, вышка, облака
И огороды, огороды,
Болотце в грусти ивняка.

И листья тихие не летни,
Я ж на год-два, не навсегда.
И этих яблок вкус последний,
И в бочке черная вода.

МАКСИМ ЕРШОВ

* * *

...Это когда с неба давит просинь.
Это когда я от правды пьян.
Это когда моя мать выносит
в улицу душеньку, взяв баян.
Это когда мне люди — братья.
Это когда я слезы не скрыл.
Это когда мои объятья
шире, чем взмах журавлиных крыл.
Это когда мне в рубашке тесно
и кафедральны кругом поля.
Это когда для протяжной песни
тысячу лет цвела земля.
Это когда я на метр выше.
Это когда я себя сильней.
Это когда в песнопеньях слышу
посвист, набат и храп коней.
Это когда Челубей хохочет,
а за спиной — отец-старик.
Это когда любовь клокочет,
как у немого гортанный крик.
Это когда, нахлебавшись грусти,
нечем спасаться и незачем...
Это когда я настолько русский,
что уважает меня чечен...

Это когда, в грязи по пояс,
тонут упреки могильных плит.
Это когда мужичья совесть —
Сколько б ни гасла — свечой горит...

Это во мне говорит Россия.
“Эй, — говорит, — мужик! Прием!”
Есть ли в тебе такие силы,
чтоб устоять на краю времен?”

РЯБИНА

Рябину рубили. Порезали грозди,
привили оливы, а выросли гвозди.
Крутили-вертели... Не могут понять:
рябина кривою осталась стоять!

Рубили по новой. Привили к ней грушу.
Вводили волшебную формулу в душу.
И крутят, и вертят... Пора бы понять —
рябине недолго осталось стоять!

Мерцая веками в порезе глубоком,
с чужими цветами, плодами и соком,
вцепилась рябина остатком корней,
и только дыханье осталось у ней...

Рубили. Рубили.
Рябина! Рябина!..
Пустите, пустите родимого сына!

Он враз отрезвевает и может успеть
дыханием корни ее отогреть.

ДМИТРИЮ ПАНИНУ

...Уже кто-то дышит на ладан, а кто-то в затылок.
Играем всухую — мы лишние люди по сумме.
Мой Гамлет — Шекспир нам в подъезде оставил бутылок.
Поедем — сдадим на очки Государственной Думе!

Враги обступают, как в прошлом, загадочный Кремль...
Есть выбор фамилии нового якобы солнца.
Отчизна смеется с экранов, улыбочка — кремень.
Поедем, мой Гамлет, поедем, — а вдруг нам зачтется?

Ты скажешь — все то же: сквозь богоискательство денег
доносится слух летописный о свежей измене.
Но стекла Шекспира! Мы сядем в вагоны отдельно.
Крамольные тени, мы в поезде будем — как тени...

Не хочешь ты слышать об этой смертельной нагрузке.
Не хочешь, чтоб ноги по собственной крови скользили.
Но я не пойму уже, кто я — еврей или русский,
намыливший правдой дрянное белишко России.

Но Гамлет! Мой поезд уйдет, и тогда без возврата
не стой на перроне сутуло, при шпаге и шпорах.
Не надо терзаться... Конечно, ты был бы мне братом,
когда б не вот это меж нами — под скрежет повторов:
когда б не зверели со школы, не рушились хаты,
когда б каждый третий не канул, бессильный от горя...

Оставь себе книжку — я в ней молодой и крылатый,
и бьюсь в тот же берег, что это российское море...

г. Сызрань

АЛЕКСАНДРА КАШИНА

* * *

Знаешь, а я смотрю на тебя
И вижу небо,
Я вижу город, растасканный на кусочки
Минутных улиц, а где-то идет троллейбус
До чьей-то ручки, а может быть, и до строчки.
И город спит, ему снится веселый ветер,
И провода разорваны, словно связи,
А в нем так много тепла и так много грязи —
На лавках бабки, в подъездах воры, а в школах дети.
И город полон дорог и рекламного бреда,
То строит замки, то гарью заводов дышит,
Знаешь, а я смотрю на тебя и вижу небо,
Чистое небо с какой-то заброшенной крыши.

* * *

Крышами, телефонами, проводами, подъездами, звездами
Я лечу на встречу тебя во мне, мы с тобою вновь стали взрослыми.
Лето манит к себе качелями и песками горячими пляжными,
А я вновь пишу неумелые и корявые строки, важные
Для меня, забравшейся в комнату, по теплу и уюту скучающей,
Телефон разразился стонами приглушенными, настоящими,
Разорился гудками короткими... я рисую в клеточках крестики...
Прирожденными идиотками быть приятнее все же, чем бестиями,
Пригвожденными по-цветаевски... нолик вычеркнул все ненужное...
Умирай от стыда и зависти — я любовью к тебе простужена.

г. Казань

ГАЛИНА МАЛЬЦЕВА

ПОД КОЛЫБЕЛЬНУЮ

Как благостно все начинается...
Сквозь занавесочку кисейную
Луна над люлькой качается
Под колыбельную, под колыбельную.

Полны заботы и сердечности
Слова спокойные, напевные.
В молочной звездности — с беспечностью —
Глядят в окошко ветки вербные.

На стенах тени отражаются.
Давно утихла ночь метельная.
Размеренно весь мир качается
Под колыбельную, под колыбельную...

ВСТРЕЧА

Встреча, что бывают на Руси, —
Дорогая ветреная радость
Или грусть, укрытая в груди,
В этих встречах. Сколько их осталось?

Тихий вечер, васильковый склон,
Долог путь до веры, до посада.
Звон кузнечный, колокольный звон,
Сладкая садовая прохлада...

Мимо этих встреч нам не пройти!
Мимо вечных образов и звуков.
Будут еще встречи на Руси!
Хватит нам, останется для внуков.

* * *

Вздохнуть нет сил. — Июньский полдень жжется.
И тягостны заботы у гряды,
И нет ведра у старого колодца,
И клонятся в безветрии сады.

Но в ранних сорняках и поздних всходах
Горячим продолжением зацвели
Бессмертный дар изменчивой природы
И каждый пуд натруженный земли.

Бог в помощь нам возьмет и приживется
Под ветхой кровлей, в поле, у реки
И будет так же вглядываться в солнце,
Высматривая дождь, из-под руки.

г. Москва

АЛЕКСЕЙ РЯСКИН

ЛУГ

Луг — словно маленькая Вселенная,
Сжимается, расширяется и снова сжимается.
Луг — это что-то меняющееся и в то же время неизменное.
Он гнется под тяжестью неба, но не ломается.

Он купается в солнечном свете, всплывает и тонет.
Он машет пролетающим птицам травой и горькой и сладкой.
У него нет секретов, он весь как на ладони.
Но, несмотря на все это, луг все равно остается загадкой.

Разбрелись по траве и замерли молча грибы опята.
Лениво машет листьями старый угрюмый лопух.
Черная коза лежит со старым лопухом рядом
И считает от одного до ста и от ста до одного вслух.

Словно кресты, стоят одуванчики, сбросив свои белые рубашки.
Стоят, будто окаменев, и уже не интересуются ни пчелой, ни осой,
А рядом о чем-то спорят цветы клевера и ромашки
И кидают друг в друга то лепестками, то пылью.

Муравьи строят империи, стрекозы пытаются отыскать щавель,
Гусеницы запевают песню ночью, бабочки продолжают петь ее днем.
У луга нет ни минуты для тоски или печали,
Луг поглощен жизнью, кипящей в нем.

Не так-то просто заставить его размышлять о счастье,
Он и так всем доволен: и цветом неба и своей судьбой,
В спорах и рассуждениях он никогда не принимает участия,
Луг живет в гармонии с миром и с самим собой.

ДОРОГА

Солнце вышло, не надев своей светлой облачной короны.
Оно смотрит вниз, сидя на своем небесном престоле,
А там, внизу, овраг, мельница и глупые коровы,
И старая дорога от стога сена до пшеничного поля.

Дорога знает и смысл жизни, и тайну смерти.
Она помнит все и о том, что уже было, и о том, что еще только будет.

И следы, которые на ней оставляли и ангелы, и черти,
Дорога умело смешивает со следами, которые оставляли на ней люди.

Дорога равнодушно отпускает бегущие в прошлое дни,
Ведь ей известно, что жизнь обречена на бесконечное кружение.
Дорога просто лежит и смотрит в небо, распахнувшееся над ней,
Она знает, что где-то там спрятано ее звездное отражение.

И если радугу можно сравнить с песней тихой,
Которая неспешно течет из небесных краев в края эти,
То дорогу можно сравнить с огромной книгой,
В которой можно прочесть обо всем, что есть на свете.

Ей кажется глупым людское желание уснуть и забыться.
Она смеется над человеком, бегущим то к веселью, то к боли,
Ведь дорога знает, какая бездна тайн может вдруг открыться,
Пока ты идешь по ней от стога сена до пшеничного поля.

г. Воронеж

АЛЕКСАНДР ДЬЯЧКОВ

* * *

Поначалу, когда я крестился
и ни слова о вере не знал,
я все время креста тяготился
и как будто случайно снимал.

Я не ведал ни Крови, ни Тела
Иисуса Христа, ни того,
что иные под страхом расстрела
не снимали креста своего.

* * *

Когда чудит погода,
А ты не пьешь вина,
и не нужна свобода,
и вечность не нужна,

похоронили деда,
но, главное, хоть плачь,
безбожно врет газета
с программой передач

в деревне беспробудной,
в нетопленной избе, —
становится доступной
вся правда о себе.

* * *

Посиди со мною, стул,
посиди со мной.
Ты от свитера сутул,
брошенного мной.

Или это Вовка-друг
прямиком с небес
заглянул проведать вдруг,
а потом исчез.

Посиди... и посетит
Бывшая жена,
чуть сутулясь, посидит
и уйдет она.

А тоскливо станет мне,
так, что хоть реви —
ты мне в полной тишине
тихо поскрипи.

* * *

Меня учили думать о карьере,
учили равнодушнию, но вот
я открываю в православной вере,
что в жизни все не так, наоборот.

Начало добродетели — смирение.
Смирение — родословная любви.
Мои друзья глядят в недоуменьи
и выдвигают версии свои.

Но не понять им, хоть они и правы,
но не поймут они, ведь я не прав, —
не правы те, которые не правы,
прав только Тот, Который вправду прав.

ИВАН КОЛОКОЛЬНИКОВ

* * *

Мой дед был истинно героем,
Хоть он Америк не открыл,
Стены Китайской не построил,
И в бочке по морю не плыл.

Но без бахвальства, без бравады,
По зову совести своей
Он делал все, как было надо,
И этим покорял людей.

От стен московских до Берлина
Дорогой боя шел мой дед.
Подобных ветеранов ныне
В краях у нас почти что нет...

Дед был заботливым и строгим,
Во всем порядок он любил,

Всю жизнь он шел прямой дорогой,
А мне наставник главный был.

Я огорчал его порою
Тем, что совет не принимал...
А сколько он тревог со мною
(Господь свидетель) испытал!

Он был огромным альтруистом,
И сложный, и такой простой...
И вроде скромный, не речистый.
Но разве все ж он не герой?

г. Иркутск

ВАСИЛИЙ ПОПОВ

* * *

Отцу

Вот мой дом: изба, да прясло,
Да рябина под окном.
Там, где землю дождь, как масло,
Месит мокрым языком.

Вот мой дом, и мне не надо
Светлых окон, ярких крыш.
Для меня одна награда —
Слушать, как скребется мышь.

Слушать песню под березой,
Что поет кузнец-солдат.
Видеть солнце, красной розой
Уходящее в закат.

И еще мой дом — дорога
Между сосен и берез.
Там, где люди верят в Бога,
Не роняя наземь слёз.

* * *

Давай с тобою посидим
Еще немного у костра.
Пускай обнимет синий дым,
А рядом греются ветра.

Пускай осенняя листва
Закружит голову мою.
Я так от города устал,
Держи ровнее — разолью.

Не торопись, еще не ночь,
Еще заря целует день.
Приятно голосом помочь
И тишине отбросить тень.

Какое счастье болью петь,
Глядеть на небо и луну,
И нам придется улететь,
Как песня эта в тишину.

Но ты не думай ни о чем,
Не размышляй и не грусти.
Смотри, как время за плечом
Несет тяжелое “прости”...

И вот костер уже погас,
Но ясно нам и горячо,
Что в этот миг, мой друг,
для нас,
Нет ничего...
нет ничего.

* * *

Когда в ночь уходила заря,
Просыпались ленивые совы.
И о чем-то своем втихая
Скрежетали дверные засовы.

“Ты почто еще здесь, котофей?
Ну-ка дуй на охоту к амбарам”. —
Пнул под зад его дед у дверей.
“Это что же, кормить его даром”.

И старуха в постели под нос
Неразборчиво так причитала:
“Стороною бы ветер пронес,
Непогоды еще не хватало”.

Под навесом у новой дуги
Мыши грызли древесные сушки,
А далече один за другим
Потухали огни деревушки.

г. Москва

ОЛЬГА ШЕМЕТОВА

ИНТЕРНЕТ

Ветер пронзает сильно, падая в ноги вдруг,
Резко звонит мобильник, и не отдернуть рук
Ни от больших перчаток, ни от рабочих дней.
Прошлого отпечаток стал вдруг еще больней.

Взгляды, почти без грусти, вновь в интернет войдя,
Знают, что он искусственен: ни одного гвоздя...
Истина иллюзорна, ложь — только лишь логин.
В Брно или в Канем-Борно виза — билет один.

А за окном бушует ночь в беловатой мгле.
В сердце любовь ношу я не по Святой земле...
Вот и тревожит сильно выброшенная стезя:
Как в темноте могильной без одного гвоздя?

И потому однажды, выйдя под ветра шум,
Стану почти бумажной, курящей анашу,
Женщиной без ребенка, что тербит пакет.
Жизнь ее — упрощенка, Бог ее — интернет.

г. Оренбург